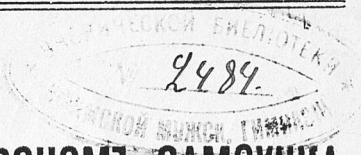


945138

кр

184

ДЕШЕВЫЯ ИЗДАНИЯ Т-ва И. Д. СЫТИНА.



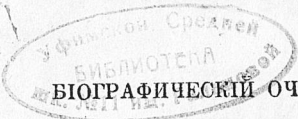
КУРСКІЙ АСТРОНОМЪ-САМОУЧКА

Федоръ Алексѣевичъ

СЕМЕНОВЪ.

92
1884

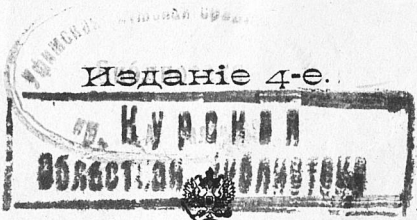
485248



БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Клавдіи Лукашевичъ.

Ос. Отд. Мин. Нар. Пр. допущено въ ученическія библиот. низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотека.



Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой д.
МОСКВА.—1911.

КУРСКІЙ АСТРОНОМЪ-САМОУЧКА

Ведоръ Алексѣевичъ Семеновъ.

...можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумовъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.

Домоносовъ.

На воздушномъ океанѣ,
Безъ руля и безъ вѣтриль,
Тихо плаваютъ въ туманѣ
Хоры стройные свѣтиль.

Лермонтовъ.

I.

Какъ изъ глубокихъ таинственныхъ
нѣдръ земли добываются отъ времени
до времени золотые самородки, такъ изъ
темныхъ массъ народныхъ выходятъ изъ
рѣдка геніальные самоучки.

Самоучки бывали во всѣ времена и у
всѣхъ народовъ. Они во многомъ похожи
другъ на друга: все это люди скромные,
твердые волею, съ горячимъ желаніемъ

учиться; всегда имъ приходится вести упорную борьбу съ нуждой, съ лишеніями, со средой, въ которой живутъ, и съ близкими, дорогими людьми, которые ихъ не понимаютъ и осуждаютъ.

Такимъ самородкомъ-самоучкой былъ и курскій мѣщанинъ-мясникъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Семеновъ.

Фамилія Семеновыхъ давно поселилась въ Курскѣ и была въ родствѣ съ лучшими купеческими домами. Алексѣй Никоновичъ Семеновъ торговалъ въ Курскѣ скотомъ, саломъ, рыбою, медомъ, воскомъ и другими товарами. Онъ былъ женатъ на купеческой дочери Екатерины Семеновны Мухиной и пользовался въ своей средѣ большимъ уваженіемъ, такъ что купеческое общество не разъ выбирало его на почетныя должности.

20 апрѣля 1794 года у Семеновыхъ родился сынъ Ѳедоръ. Въ купеческой семьѣ особенно радуются рожденію сына: всѣ думаютъ: «Вотъ будетъ расти по-

мощникъ отцу, надежда и другой хозяинъ». Слѣдуя такимъ взглядамъ, и маленькаго Ѳедора Семенова съ малолѣтства стали приучать къ отцовскому дѣлу — къ торговлѣ.

Маленькій Ѳедя подрасталъ какимъ-то страннымъ, особеннымъ ребенкомъ. Худенькій, съ тонкими чертами лица, съ огромными выразительными сѣрыми глазами, онъ совсѣмъ не походилъ на купеческаго сына. Мальчикъ онъ былъ тихій и добрый, но надоѣдалъ своимъ домашнимъ тѣмъ, что очень любилъ о всемъ спрашивать:

— Отчего гремитъ громъ и сверкаетъ молнія? Отчего солнышко свѣтитъ днемъ, а луна и звѣзды ночью? Что это такое небо?—пытливо приставалъ ребенокъ къ близкимъ, и на его умномъ личикѣ выражалось болѣе, чѣмъ простое любопытство.

Иногда ему отвѣчали, что такъ устроилъ Богъ, иногда давали самые безсмыс-

ленные отвѣты, а чаще всего сердились и приказывали не приставать съ глупыми вопросами.

Өедя уходилъ огорченный, забивался куда-нибудь въ уголокъ или убѣгалъ на дворъ и принимался строгать и дѣлать меленки, игрушки и машины, которыя могли сами вертѣться. Отрываясь отъ работы, онъ подолгу смотрѣлъ на небо. Въ его глазахъ выражалось недоумѣніе; видно было, что какіе-то неоступные вопросы мучили этого страннаго мальчика.

Скоро отецъ отдалъ мальчика учиться. Обрадовался Өедя: онъ жадно хотѣлъ учиться и думалъ, что теперь-то все узнаетъ. Но его обучали, какъ онъ самъ говорилъ, «на мѣдныя деньги». Сперва съ нимъ занимались полуграмотные дьячки, а потомъ его отдали въ простую школу, гдѣ мальчика выучили читать по-славянски и едва-едва писать. Родители нашли, что онъ знаетъ достаточно,

что учиться ему больше не зачѣмъ, что пора привыкать къ отцовскому дѣлу, и взяли его домой.

Оеда сталъ проводить время въ лавкѣ, присматриваться къ торговлѣ, помогать мясникамъ. Въ свободное время онъ читалъ дома священное писаніе и Четьи-Минеи, а по праздникамъ прилежно посѣщалъ приходскую церковь, пѣлъ тамъ на клиросѣ, читалъ, чѣмъ заслужилъ особое расположеніе богомольныхъ стариковъ.

Случилось, что какъ-то разъ зимою въ 1804 году Оедоръ вернулся съ матерью изъ гостей. Ихъ встрѣтилъ встревоженный отецъ и спросилъ:

— Видѣли ли вы, какъ около вечера измѣнилось и потемнѣло солнце?

— Нѣтъ, не видѣли.

Оеда впился глазами въ говорившаго отца. Въ тотъ день было холодно, и его не выпускали изъ комнаты.

— Какъ потемнѣло солнце? Отчего потемнѣло солнце? — приставаль маль-икъ къ родителямъ.

Ему отвѣчали:

— Оттого, что такъ Богу угодно.

— Это предвѣщаетъ недоброе: значить, Господь гнѣвается на людей за грѣхи и посылаетъ имъ Свое знаменіе.

Мальчикъ выслушалъ внимательно, задумался, но больше спрашивать не сталъ. Съ этого времени онъ еще болѣе ушелъ въ себя и съ жадностью набрасывался на всякую книжку, какая попадалась у знакомыхъ. Но книжекъ у нихъ было мало, очень мало.

II.

Около того времени случились подъ Курскомъ большіе падежи скота. Алексѣй Никоновичъ Семеновъ очень раз-

строилъ свое состояніе, обѣднялъ и долженъ былъ перейти изъ купцовъ въ мѣщане. Тогда онъ приставилъ къ торговлѣ своего сына.

Федоръ долженъ былъ бить съ работниками скотъ на бойнѣ, продавать мясо на базарѣ въ мясномъ ряду, а иногда отправлялся съ приказчиками въ Украйну для покупки скота или на Донъ и въ Таганрогъ за рыбой.

Курскихъ мясниковъ - приказчиковъ не мало удивлялъ хозяйскій сынъ. Его смѣшные для нихъ вопросы, не имѣвшіе ничего общаго съ обыденной жизнью, его вѣчная задумчивость, нелюбовь къ торговлѣ дали имъ поводъ считать его полупомѣшаннымъ.

— Не умный сынокъ-то у хозяина... Чего-то у него въ головѣ не хватаетъ... — говаривали между собою мясники.

Въ глаза они постоянно подымали Федю насмѣхъ.

Между тѣмъ мечты маленькаго мясника были далеко-далеко отъ мясной лавки и бойни. Какія-то темныя, неясныя видѣнія манили въ иной міръ его пытливый младенческій умъ. Онъ чувствовалъ другое, высшее призваніе и скорбѣлъ душой подъ гнетомъ окружающей дѣйствительности. Порученія и дѣла отца нисколько не занимали его, напротивъ, были ему противны, и онъ все дѣлалъ нехотя и неловко.

Отъ насмѣшекъ и всякихъ непріятностей Федоръ отдыхалъ душой только въ разъѣздахъ. Южная природа, степи, горы, рѣки, лѣса привлекали его и будили въ душѣ лучшія чувства и думы.

Очень часто, двигаясь тихо на скрипучей телѣгѣ за гуртомъ скота, мальчикъ не сводилъ восхищенныхъ глазъ съ яркихъ звѣздъ, чудно блиставшихъ на темно-синемъ небѣ. Много говорило уму необыкновеннаго ребенка это дале-

кое небо, и онъ старался постигнуть великое строеніе міра Божьяго.

— Отчего у неба такой голубой цвѣтъ? Что такое эти звѣзды и луна? Откуда взялись рѣки и горы?—тоскливо разспрашивалъ мальчикъ у сопровождавшихъ его молодыхъ приказчиковъ.

Здоровенные, краснощекіе мясники принимались хохотать и укоряли хозяйскаго сына.

— Дуришь ты все, Оедька! На что тебѣ это знать? Какая тебѣ отъ этого польза? Какъ ты на свѣтѣ-то будешь жить? Вѣдь ты совсѣмъ пропащая голова!

Всѣ мучившіе мальчика вопросы такъ и оставались безъ отвѣтовъ. Не легко было переживать это.

Съ невыразимой грустью возвращался Оедоръ изъ своихъ поѣздокъ въ Курскъ. Послѣ жизни вблизи чудной природы, послѣ сладкихъ мечтаній о мірѣ Божьемъ приходилось браться за ненавист-

ное дѣло—за окровавленный ножъ мясника.

Но сама судьба заботилась о своемъ избранникѣ и случайно поселила въ немъ первоначальныя понятія объ астрономіи.

III.

Это было въ 1806 году. Ѳедоръ былъ въ гостяхъ у знакомыхъ. Тихій и застѣнчивый мальчикъ всегда рвался къ книжкамъ, и, если ему попадалась какая-нибудь въ руки, онъ забывалъ за ней все окружающее. Такъ было и тогда. Ѳедя увидѣлъ на столѣ «Мѣсяцесловъ» 1802 года, сталъ его внимательно перелистывать и читать. Вдругъ послѣ разныхъ церковныхъ свѣдѣній онъ нападаетъ на статью о затменіяхъ. Внимательно перечиталъ мальчикъ мно-

го разъ эту статью. То, что онъ узналъ, какъ молнія, поразило его умъ и заставило радостно забиться сердце. А узналъ онъ то, что «солнечныя и лунныя затменія можно предсказывать впередъ».

Федоръ раскинулъ умомъ и тогда же рѣшилъ самъ съ собой: «Если человѣкъ можетъ предвидѣть и предсказать небесныя явленія, значить, они не могутъ быть гнѣвомъ Божиимъ и предзнаменованіемъ бѣдствій для людей».

Это была свѣтлая и прекрасная мысль, много общавшая въ двѣнадцатилѣтнемъ мальчикѣ.

Съ тѣхъ поръ Федоръ неотступно захотѣлъ учиться, читать, узнавать о всемъ въ природѣ. Онъ доставалъ разныя книги, читалъ и перечитывалъ безъ разбору, много не понималъ, а спросить въ то время было не у кого. Отъ чтенія книгъ умъ мальчика обогатился разными знаніями. Но знанія эти были не ясны, отрывочны и мучили пытливаго

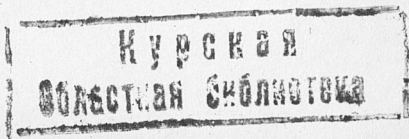
мальчика, который не разъ горько сожалѣлъ, что не можетъ учиться какъ слѣдуетъ.

Изъ книгъ онъ узналъ, что представленія фокусниковъ — не дьявольское наважденіе, какъ увѣряли его домашніе, а просто искусство, соединенное съ знаніемъ. Прочитавъ попавшуюся случайно «Естественную Исторію», онъ ознакомился съ міромъ животныхъ. «Телескопъ», прочтенный въ 1810 году, объяснилъ ему, что наука, разсуждающая о свѣтилахъ небесныхъ, есть астрономія и что, зная ее, можно предсказывать солнечныя и лунныя затменія. Послѣднее привело его въ восторгъ. Вѣруя безотчетно въ неизвѣстную ему, но дорогую сердцу науку, онъ съ нетерпѣніемъ сталъ дожидаться предсказаннаго затменія солнца, о которомъ вычиталъ въ «Телескопѣ». Наступилъ назначенный день. Затаивъ дыханіе, смотрѣлъ Ѳедоръ на небо. Но — увы! —

тамъ ровно ничего не произошло. Это очень опечалило юношу, вѣра въ науку поколебалась. «Можетъ, и правы старики, говоря о гнѣвѣ Божьемъ», думалось ему.

Несбывшіяся надежды на затменіе очень тревожили молодого мясника. Чтобы утѣшить себя, онъ досталъ «Мѣсяцесловъ» и сталъ сравнивать предсказанія затменій въ немъ съ предсказаніями «Телескопа» и нашелъ разницу во времени. Онъ снова воспрянулъ духомъ и оживился. Снова съ горячимъ нетерпѣніемъ сталъ онъ дожидаться луннаго затменія, предсказаннаго въ «Мѣсяцесловѣ» на 31 іюля 1813 года.

Въ это время молодой человѣкъ находился въ Кіевѣ по дѣламъ отца. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ таинственнаго явленія. Пришелъ желательный день, настала и роковая минута. Ѳедоръ впился глазами въ небо. А тамъ на свѣтлый кругъ луны стала



надвигаться черная тѣнь земли. Невозможно описать того, что испыталъ нашъ самоучка: боясь шевельнуться, боясьдохнуть, слѣдилъ онъ за ходомъ небеснаго явленія. Когда же затменіе кончилось, то девятнадцатилѣтній парень-мясникъ прыгалъ отъ радости, какъ сумасшедшій. Больше всего его радовало то, что астрономія оказалась наукою точною и выводы ея истинными. Теперь онъ твердо рѣшилъ посвятить себя изученію свѣтилъ небесныхъ.

IV.

Разъѣзжая по ярмаркамъ, Оедоръ всегда получалъ отъ отца небольшую сумму денегъ на собственныя нужды. Старикъ, конечно, думалъ, что парню захочется купить пряниковъ, орѣшковъ, стручковъ, иногда какую-нибудь фран-

товскую фуражку или кушакъ, либо попить чайку съ пріятелями въ трактирѣ и послушать органъ. Какъ былъ бы недоволенъ отецъ, если бы узналъ, что всѣ деньги, даваемые сыну и на одежду и на удовольствія, идутъ исключительно на книжки.

Такъ, желая узнать побольше о свѣтилахъ небесныхъ, Оедоръ выписалъ изъ Москвы «Астрономію» Фергюсона. То, что онъ узналъ изъ этой книги, привело его въ восторгъ и изумленіе. Онъ узналъ, что земля шаровидна, что она ежесуточно обращается около своей оси и ежегодно вокругъ солнца. Всего любопытнѣе было для него прочесть то, что затменія солнца можно угадать посредствомъ линейки и циркуля, сдѣлавъ напередъ нѣкоторыя вычисленія, но какія,—тамъ не было показано.

Благодаря этой занятой книгѣ, любознательность нашего самоучки была еще болѣе возбуждена, и во что бы то ни

стало надо было удовлетворить ее. Въ 1813 году на Коренной ярмаркѣ онъ купилъ себѣ «Астрономію» Лаланда. Она раздѣлялась на 12 книгъ. Съ большимъ вниманіемъ прочелъ молодой человекъ первую книгу и приобрѣлъ полное понятіе о математической географіи. Онъ научился находить широту и долготу мѣста, измѣрять поверхности. При этомъ онъ узналъ, что высоту небесныхъ свѣтилъ надъ горизонтомъ можно измѣрять посредствомъ такъ называемаго квадранта. Не думая долго, онъ тотчасъ же сдѣлалъ себѣ изъ дерева этотъ несложный приборъ, оклеилъ его бумагою, намѣтилъ градусы и при помощи такого инструмента сталъ производить свои первыя астрономическія наблюденія, сопровождая ихъ выкладками на обыкновенныхъ счетахъ.

Одолѣвъ первую книгу Лаланда, юноша принялся и за вторую. Онъ прочиталъ ее нѣсколько разъ, задумывался надъ

каждой фразой, но ровно ничего не понималъ. На каждой страницѣ попадались какія-то мудренныя вычисленія, и упоминалась еще новая наука—«сферическая тригонометрія». Долго думать не приходилось. Самоучка отложилъ вторую книгу Лаланда въ сторону, съ трудомъ разыскалъ у кого-то старое, трепаное изданіе «Сферической тригонометріи» Безу и принялся изучать ее. Снова вышла бѣда: большая часть ему была непонятна. Оказалось, что сферическая тригонометрія основывается свои вычисленія на «плоской тригонометріи»; что нужно ознакомиться и съ этой послѣдней. Но развѣ такія неудачи могли остановить человѣка, жаждущаго знанія?! Спрятавъ книгу Безу, Ѳедоръ купилъ себѣ «Плоскую тригонометрію» Аничкова. Но съ первыхъ же страницъ онъ съ грустью увидѣлъ, что эта книга ему не подъ силу. Да и возможно ли изучить такія мудренныя науки, когда не имѣешь по-

нятія о простыхъ четырехъ правилахъ ариѳметики.

Тутъ нашъ молодой самоучка убѣдился, что для точнаго и полнаго изученія какой-нибудь науки необходимо начинать съ самаго основанія; что въ этой основѣ и есть вся сила, вся мощь истинно ученаго, что безъ этого легко сдѣлаться верхоглядомъ, котораго будутъ ловить и обрывать на каждомъ шагу.

Не долго думая, мясникъ въ свободное отъ торговли время засѣлъ изучать математику отъ начала до конца. Это былъ огромный трудъ для неподготовленнаго девятнадцатилѣтняго парня. Но ничто не можетъ быть неодолимо для человѣка съ твердой рѣшимостью. Молодой человѣкъ досталъ себѣ «Ариѳметику» Меморскаго и терпѣливо, одинъ, безъ посторонней помощи, принялся изучать ее. Она далась ему легко, и онъ одолялъ ее въ два мѣсяца. Только дѣ-

ленія онъ не понималъ, и пришлось обратиться къ знающему человѣку и просить растолковать. Усвоивъ ариѣметику, нашъ любознательный самоучка пошелъ дальше и изучилъ «Геометрію» Аничкова. Послѣ этого онъ принялся за оставленныя книги. «Плоская тригонометрія» и «Сферическая тригонометрія» теперь показались ему совсѣмъ понятными. Одолѣвъ эти науки, онъ засѣлъ и за своего хитраго Лаланда. Многое въ немъ теперь было ясно, но все же тѣ вычисленія, которыя основаны были на алгебрѣ, оказались опять загадкою. Что тутъ дѣлать? Снова отложилъ юноша Лаланда въ сторону, купилъ въ 1814 году на той же Коренной ярмаркѣ «Полный курсъ математики» Безу и въ полтора года одолѣлъ его, какъ говорится, отъ доски до доски. Алгебра показалась ему труднѣе всѣхъ наукъ, но и ее онъ изучилъ безъ посторонней помощи.

Съ какимъ восторгомъ взялся тогда нашъ самоучка за своего мудраго Лаланда! Со всѣми своими выкладками и вычисленіями онъ не только сталъ для него теперь ясенъ, какъ Божій день, но даже не могъ удовлетворить его. «Астрономія» Лаланда была только руководство къ изученію, а не пособіе для самостоятельныхъ занятій. Главное, тутъ не было астрономическихъ таблицъ, особенно таблицъ движенія луны. Въ то время молодому астроному было уже недостаточно понимать выводы ученыхъ, но хотѣлось и самому дѣлать наблюденія. Для производства наблюденій нужны были многіе инструменты. А гдѣ же могъ ихъ взять бѣднякъ-мясникъ, жившій въ провинціи?

Всѣ его астрономическіе приборы состояли изъ ранѣе помянутаго квадранта да изъ собственноручно сдѣланныхъ солнечныхъ часовъ съ приспособленіемъ для измѣренія азимутовъ, или разстоя-

нія небесныхъ свѣтилъ отъ полуденнаго круга.

Выписавъ себѣ изъ Петербурга книгу подъ заглавіемъ: «Теорія и практика кораблевожденія», Семеновъ ознакомился съ новѣйшими приѣмами астрономическихъ наблюденій и точными способами вычисленій. Но и въ книгѣ этой были только солнечныя таблицы.

Тогда астрономъ-самоучка самъ составилъ нѣкоторыя частныя таблицы для вычисленія положенія и движенія различныхъ планетъ и, кромѣ того, таблицы новолуній и полнолуній, а также солнечныхъ затменій на нѣсколько лѣтъ. Лунныхъ же таблицъ онъ составить не могъ, потому что ни въ одномъ изъ русскихъ сочиненій того времени не было полного и подробнаго описанія сложнаго движенія луны.

Невозможность имѣть инструменты и астрономическія таблицы заставила мо-

лодого человѣка оставить астрономію и заняться математикой. За это время онъ изучилъ множество математическихъ книгъ.

Отрадно, конечно, рассказывать о неутомимой энергіи самоучки-мясника, объ его неустанныхъ занятіяхъ и любви къ наукѣ. Но не такъ легко и отрадно доставалось ему самообразование на самомъ дѣлѣ.

Родители давно уже недружелюбно смотрѣли на пристрастіе Ѳедора къ книжкамъ. Его бранили, наказывали, запрещали, но онъ не могъ отказаться отъ милыхъ сердцу молчаливыхъ друзей, которые говорили ему такъ много интереснаго, прекраснаго. Онъ сталъ прятаться со своими книгами. Когда же близкіе узнали, что Ѳедоръ ночи не спитъ, а все «смотритъ на небо, пишетъ какія-то цифры или читаетъ книги», то всѣ возстали и вооружились противъ него. И добрымъ словомъ, и

угрозами, и гнѣвомъ приказывали ему бросить «дурацкія затѣи» и заняться настоящимъ дѣломъ». Ѳедоръ былъ» добрый и покорный сынъ,—онъ не пошелъ противъ воли родителей, но много выстрадалъ молча. Развитой юноша понималъ и оправдывалъ близкихъ: вѣдь все происходило отъ ихъ невѣжества,—но отъ того не было легче. Астрономъ-самоучка никогда не любилъ вспоминать и рассказывать, сколько гоненій и непріятностей перенесъ онъ за это тяжелое время, какъ обижали его близкіе, дорогіе люди. Но, несмотря ни на что, отказаться отъ дорогой науки, которой молодой мясникъ отдалъ всю жизнь, всѣ помыслы, было для него все равно, что отказаться отъ жизни. Опасаясь гнѣва отца и матери, нашъ астрономъ еще болѣе сталъ скрывать свои занятія, свою любовь къ чтенію. Но скрыть это въ маленькомъ домикѣ было невозможно.

Тогда собрался семейный совѣтъ, и рѣшено было направить парня на путь истинный, т.-е. женить. Родные были увѣрены, что женится — перемѣнится: одумается молодецъ и перестанетъ «дурить».

Однако женить Ѳедора Алексѣевича Семенова оказалось не такъ-то легко, какъ думали. По обычаю купеческому, стали засылать свахъ въ дома, гдѣ подрастали невѣсты. И хотя семья Семеновыхъ пользовалась уваженіемъ, но ни одна дѣвушка не соглашалась выйти замужъ за Ѳедора Алексѣевича.

— Не пойду за дурака! Онъ ночи не спитъ, говорятъ, въ какую-то трубу на мѣсяцъ смотреть... Не пойду за полумнаго! — повторяли одна за другой купеческія дочки. Невѣсты для молодого Семенова не находилось.

Наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ, надъ бѣднымъ, отвергнутымъ всѣми женихомъ сжалилась дочь ямщика изъ

подгородной слободы. Не раскаивалась никогда въ своемъ выборѣ скромная дѣвушка, и послѣ, навѣрно, не разъ позавидовали ей разборчивыя купеческія дочери.

V.

Алексѣй Никоновичъ Семеновъ сталъ прихварывать и рѣшилъ передать окончательно всѣ свои дѣла сыну. Ѳедоръ Алексѣевичъ охотно согласился взять все въ свои руки, но въ награду за это уговорилъ и упросилъ родныхъ не стѣснять его заниматься, чѣмъ ему угодно, не бранить и не преслѣдовать его. Волей-неволей пришлось согласиться, и Ѳедора съ его книжками и затѣями оставили въ покоѣ, предоставивъ въ его распоряженіе мезанинъ дома. Но при-

мирится съ его страстью семья, конечно, не могла, и нерѣдко кто-нибудь съ досадою ворчалъ про себя: «Вотъ, кажется, Ѳедоръ-то и не глупъ, а, подика, сколько дурачится».

Много надо было терпѣнія, силы воли и любви къ знанію, чтобы, урываясь минутами отъ дѣла ненавистнаго, отдаваться дѣлу любимому, чтобы не спать ночей, перенести всѣ обиды и насмѣшки и не бросить избранный путь, такой тяжелый.

Ѳедоръ Алексѣевичъ, какъ умѣлъ, берегъ и покоилъ старость отца, удрученнаго тяжелой болѣзнью; по словамъ знавшихъ его, онъ всегда былъ покорнымъ сыномъ, добрымъ мужемъ и нѣжнымъ отцомъ.

Въ то же время каждый день удѣлялъ онъ нѣсколько часовъ на ученіе. Одинъ на своей вышкѣ, окруженный книгами, углублялся онъ въ таинства природы и науки.

Тогда его особенно увлекали физика и естественныя науки. Ему очень хотѣлось видѣть разныя машины и физическіе приборы, но средствъ, на что купить все это, не было.

По счастливой случайности онъ познакомился съ щигровскими помѣщиками Денисовыми и съ курскимъ купцомъ Воронковымъ. Это были люди развитые, отзывчивые и также занимались наукою для собственнаго удовольствія. Они научили Семенова сдѣлать токарный станокъ, выучили его столярному мастерству и слесарному. Ѳедоръ Алексѣевичъ самъ сталъ вытачивать, выпиливать, строгать разныя части машинъ, самъ лакировалъ и даже выливалъ мѣдныя части.

Въ это же время астрономъ-самоучка близко познакомился съ нашимъ знаменитымъ литераторомъ и историкомъ Н. А. Полевымъ. Полевой былъ сынъ курскаго купца и тоже самоучка. Но жизнь его сложилась счастливѣе, и онъ

могъ свободнѣе отдаваться занятіямъ. Онъ служилъ въ коммерческой конторѣ и былъ вполнѣ обеспеченъ. Все свободное отъ занятій время онъ посвящалъ литературѣ и исторіи. Тепло и сердечно отнесся Полевой къ мяснику-астроному, и много душевныхъ часовъ провели они вмѣстѣ въ мезанинѣ. Дружба эта была поучительна для обоихъ: Полевой рассказывалъ Семенову о всемъ новомъ въ искусствѣ и наукѣ, а Семеновъ дѣлился съ нимъ своими обширными знаніями по математикѣ и астрономіи. Часто ихъ интересная бесѣда затягивалась на цѣлую ночь, и они не замѣчали, какъ проходило время. Семеновъ постоянно съ восторгомъ вспоминалъ объ этихъ дружескихъ бесѣдахъ и не переставалъ всю жизнь горько скорбѣть о ранней кончинѣ своего достойнаго земляка.

Н. А. Полевой подарилъ Федору Алексѣевичу книгу «Открытыя тайны древ-

нихъ магиковъ и чародѣевъ», проф. Гале. По этой книгѣ нашъ самоучка сдѣлалъ двѣ электрическія машины, сперва малую, со стекляннымъ шаромъ, а потомъ большую со стекляннымъ кругомъ. Кромѣ того, онъ дѣлалъ водородныя огнива, электрофоры, электрометры, барометры, термометры и разные другіе физическіе приборы.

Для опытовъ съ гальванизмомъ ему служилъ столбъ, состоящій изъ 100 паръ мѣдныхъ и цинковыхъ кружковъ; пятьдесятъ паръ этихъ кружковъ онъ сдѣлалъ самъ, а 50 ему подарилъ одинъ знакомый докторъ. Для опытовъ съ магнетизмомъ онъ пользовался натуральнымъ магнитомъ, который поднималъ 5 фунтовъ; дѣлалъ онъ и самъ искусственные магниты и магнитныя стрѣлки.

Особенно увлекался онъ явленіями электричества и радовался, когда, сдѣлавъ приборъ, могъ произвести всѣ

извѣстные ему опыты: у него блистала молнія и гремѣлъ громъ, плясали куклы, стрѣлялъ Вольтовъ пистолетъ.

Однажды, заставивъ при помощи электричества звонить маленькіе электрическіе колокольчики, Ѳедоръ Алексѣевичъ вышелъ изъ комнаты; кто-то изъ простолудиновъ вошелъ туда и, не видя никого, слыша только звонъ и замѣтивъ, что колокольчики звонятъ сами собою, счелъ это дьявольскимъ навазденіемъ и сталъ испуганно креститься.

Разъ Семеновъ наэлектризовалъ какую-то вещь и наказалъ не трогать ея руками. Любопытные не послушались, коснулись и почувствовали сильный ударъ. Слыша о всемъ этомъ, необразованные люди стали распространять въ городѣ слухи, что молодой Семеновъ звѣздочетъ, чародѣй, чернокнижникъ и даже колдунъ.

Несмотря на такіе недружелюбные толки и насмѣшки, самоучка продол-

жалъ стойко итти избраннымъ тернистымъ путемъ и все болѣе и болѣе обогащалъ себя разными знаніями.

VI.

Въ 1817 году отецъ Ѳедора Алексѣевича умеръ. Онъ оставилъ сыну своему совсѣмъ разстроенное состояніе. Добрый сынъ горько оплакалъ кончину отца и принялся поправлять семейныя дѣла. Много пришлось ему хлопотать, ходить по присутственнымъ мѣстамъ, пришлось даже заниматься «юриспруденціей».

Зато теперь онъ былъ полноправный хозяинъ, глава семьи, и никто слова не говорилъ ему противъ его любимыхъ занятій. Онъ отдался наукѣ со всею страстью.

Въ своемъ кабинетѣ (въ мезанинѣ) Ѳедоръ Алексѣевичъ устроилъ химиче-

скую лабораторію. Изучивъ «Химію» Гизе, онъ началъ заниматься химическими опытами. Онъ накупилъ себѣ ваннъ, стеклянныхъ и глиняныхъ ретортъ и колбъ, газопроводныхъ трубокъ и т. п., добывалъ газы, приготавлиалъ симпатическія чернила, которыми не мало удивлялъ простолюдиновъ.

При всѣхъ занятіяхъ торговлей, тяжёбными дѣлами по наслѣдству, физикой, химіей, Ѳедоръ Алексѣевичъ не оставлялъ своей любимой астрономіи. Онъ всюду разыскивалъ необходимыя ему астрономическія лунныя таблицы и даже обращался къ студентамъ Харьковскаго университета. Но таблицъ не находилось.

Въ 1822 году, по его просьбѣ, генералъ Аверинъ писалъ о таблицахъ знакомымъ въ Петербургъ, но въ отвѣтъ получилъ «Морской Мѣсяцесловъ». Это было не то. Тогда Семеновъ написалъ своему другу Полевому письмо, въ ко-

торомъ убѣдительно просилъ его разыскать лунныя таблицы. (Письмо Семенова было напечатано въ «Отечественныхъ Запискахъ».) Черезъ нѣкоторое время Ѳедоръ Алексѣевичъ снова получилъ морскія таблицы, да еще на англійскомъ языкѣ.

Курскій губернаторъ, прочитавъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» письмо Семенова, призвалъ его къ себѣ, любезно спрашивалъ объ его занятіяхъ и интересовался, получилъ ли онъ лунныя таблицы. Нашъ астрономъ съ горечью отвѣтилъ, что получилъ таблицы не тѣ, которыя ему нужны и которыя онъ такъ давно ищетъ. Губернаторъ обѣщался написать въ Академію Наукъ и въ скоромъ времени получилъ отвѣтъ, что такихъ лунныхъ таблицъ въ Россіи нѣтъ, такъ какъ ихъ нѣтъ на русскомъ языкѣ.

Очень это огорчило нашего астронома; онъ предавался большому отчаянію

и думалъ, что эта отрасль науки для него потеряна навсегда. Къ этому еще присоединились дошедшіе до него невѣжественные толки и насмѣшки людей, говорившихъ, что курскій мясникъ ищетъ книгу, какой и на свѣтѣ нѣтъ, и хочетъ того, чего и самъ не знаетъ.

Въ 1824 году Ѳеодоръ Алексѣевичъ, желая имѣть хорошія, сильно увеличивающія стекла, чтобы яснѣе видѣть звѣздное небо, по совѣту своихъ друзей Денисовыхъ, сдѣлалъ себѣ станокъ, на которомъ можно было точить разныя оптическія стекла. Это было очень трудное дѣло, и Семеновъ думалъ, что у него ничего не выйдетъ. Однако терпѣніе и настойчивость все превозмогли. Досталъ нашъ самоучка подходящихъ книжекъ, поучился по нимъ, преодолѣлъ всѣ трудности, и станокъ былъ готовъ. Съ большимъ рвеніемъ сталъ онъ точить, полировать стекла и дѣлать маленькія зрительныя трубы, ми-

кроскопы, волшебные фонари и другіе оптическіе приборы. Наконецъ принялся онъ работать надъ большой зрительной трубой, и въ мартъ 1825 года она была готова. Невозможно описать, какъ радостно билось сердце астронома-самоучки, когда онъ въ первый разъ обратилъ эту самодѣльную трубу на небо. Луна представилась ему покрытою возвышеніями и неровностями; онъ ясно разсмотрѣлъ спутниковъ Юпитера Венеру и кольцо Сатурна.

Съ этого времени, дѣлая наблюденія съ помощью своей трубы, онъ сталъ исправлять составленные имъ таблицы солнечныхъ и лунныхъ затменій.

Окончивъ къ этому времени тяжёбныя дѣла отца, Ѳедоръ Алексѣевичъ купилъ около Курска клочокъ земли. Тамъ онъ отдыхалъ отъ занятій; окруженный своей семьёю, онъ съ любовью работалъ на купленной землѣ, устроилъ тамъ хозяйственный хуторъ и собствен-

ными руками развелъ на 10 десятинахъ фруктовый садъ. Тамъ онъ сѣялъ сѣмена, прививалъ яблони и груши, устроилъ фонтанъ и нерѣдко пускалъ самодѣльные фейерверки, которые удивляли и пугали сосѣдей.

Въ 1825 году Ѳедоръ Алексѣевичъ былъ избранъ старостою своего мѣщанскаго общества и заботливо исполнялъ всѣ дѣла общественныя. Жизнь его устроилась счастливо и спокойно; неустанный трудъ давалъ нѣкоторое, хотя очень скромное, обезпеченіе. Но его влекло въ центръ просвѣщенія. Собравъ деньжонокъ, въ 1829 году Семеновъ уѣхалъ въ Москву. Тамъ жилъ въ то время и его добрый другъ Н. А. Полевой. Благодаря ему Семеновъ познакомился со многими учеными и профессорами Императорскаго Московскаго университета — Перевошиковымъ, Павловымъ, Погодинымъ, С. Т. Аксаковымъ, Снегиревымъ и др. Въ бесѣдахъ съ ними о

наукахъ, искусствахъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ поражалъ даже этихъ ученыхъ людей своими обширными познаніями, приобрѣтенными безъ всякаго сторон-



Ѳедоръ Алексѣевичъ Семеновъ.

няго пособія. Нѣкоторые называли его «магазиномъ всѣхъ естественныхъ свѣдѣній безъ системы и порядка».

Профессора Перевощиковъ и Павловъ часто приглашали Семенова на свои лекціи въ университетъ: первый — по

астрономіи, второй—по физикѣ. Услышавъ въ аудиторіяхъ въ первый разъ строгое, систематическое изложеніе тѣхъ знаній, которыя до того безъ всякой связи и системы пріобрѣталъ онъ, Семеновъ увлекался, какъ юноша, и горько жалѣлъ, что онъ, потративъ столько дорогого времени, не могъ учиться основательно. Все-таки онъ былъ самоучка, а самоучка никогда не можетъ быть настоящимъ ученымъ.

Передъ отъѣздомъ Семенова изъ Москвы знакомые профессора, желая выразить ему вниманіе, дарили ему книги и напечатали о немъ лестныя статьи.

Но самый драгоцѣнный подарокъ сдѣлалъ ему профессоръ Перевощиковъ. Это было рѣдкое изданіе астрономическихъ таблицъ солнечныхъ, Деламбра, и лунныхъ, Бургарда, на французскомъ языкѣ. Въ своей автобіографіи Семеновъ говоритъ, что нельзя выразить словами его безмѣрнаго счастья, когда эти та-

блицы оказались у него въ рукахъ: вѣдь онъ разыскивалъ ихъ 15 лѣтъ, и ихъ однѣхъ ему не доставало, чтобы вычислить движенія свѣтилъ небесныхъ.

Кромѣ того, профессоръ Перевоищевъ подарилъ ему секстантъ ¹⁾, при помощи котораго Семеновъ потомъ производилъ астрономическія наблюденія.

Въ Курскѣ добрые друзья Семенова Денисовы перевели ему привезенныя имъ таблицы на русскій языкъ, и онъ усердно принялся за свою астрономію.

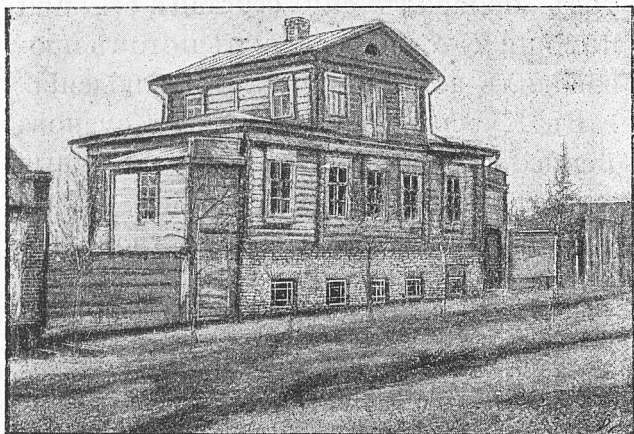
VII.

Серьезныя занятія Федора Алексѣевича Семенова, его обширныя свѣдѣнія и недюжинный талантъ не могли оставаться въ неизвѣстности. Многіе просвѣщенные люди того времени, проѣзжая

¹⁾ Секстантъ—угломѣрный отражательный инструментъ.

Курскъ, посѣщали Семенова, знакомились съ нимъ и удивлялись обширнымъ его знаніямъ.

Онъ жилъ въ то время въ собственномъ деревянномъ съ мезаниномъ домикѣ



Домъ на Нижне-Лазаретной (Семеновской) улицѣ, въ которомъ жилъ Ѳ. А. Семеновъ.

на Нижне-Лазаретной улицѣ (сохранившемся и донынѣ). Домъ былъ маленькій, неоштукатуренный внутри. Въ мезанинѣ помѣщался рабочій кабинетъ хозяина и всѣ его скудные астрономическіе снаря-

ды. Кругомъ было просто и мило. Свѣтлыя, безъ обоевъ и украшеній, комнатки, простая, но чистенькая мебель, по стѣнамъ портреты наиболѣе дорогихъ и уважаемыхъ лицъ,—вотъ все, что можно было замѣтить въ жилищѣ астронома-самоучки. Самъ хозяинъ, привѣтливый и любезный, ходилъ всегда въ простомъ мѣщанскомъ костюмѣ. Но эта простота ясно говорила, что для богатства внутренняго не надо ни внѣшняго блеска ни изысканной роскоши.

Въ 1835 году въ Курскъ пріѣхалъ вновь назначенный военный губернаторъ, генералъ Муравьевъ. Онъ вскорѣ призывалъ къ себѣ Семенова, обласкалъ, познакомилъ со своей семьей и разспрашивалъ объ его занятіяхъ и о занимавшей въ то время весь ученый міръ Галлеевой кометѣ, при чемъ былъ пораженъ его знаніями.

Въ 1837 году ожидали прибытія въ Курскъ наслѣдника цесаревича Але-

ксандра Николаевича и великой княгини Елены Павловны. Для Августѣйшихъ гостей были приготовлены два роскошныхъ экземпляра описанія г. Курска и его достопримѣчательностей. Въ числѣ ихъ былъ помѣщенъ и портретъ астронома-самоучки съ его краткой біографіей. Во время проѣзда Ихъ Высочествъ черезъ Курскъ губернаторъ представилъ имъ мясника-астронома. Великая княгиня милостиво говорила съ нимъ и приняла на свой счетъ воспитаніе его сыновей, а поэтъ В. А. Жуковскій посѣтилъ его домикъ. Въ томъ же году Императорское вольно-экономическое общество въ Петербургѣ избрало Семеновасвоимъ корреспондентомъ за успѣшное веденіе хозяйства на своемъ хуторѣ около Курска.

Съ 1838 года Семеновъ, по предложенію губернатора, сталъ помѣщать въ «Курскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» свои метеорологическія наблюденія, ко-

торыя производилъ ежедневно до конца своей жизни.

Въ 1839 году Ѳедоръ Алексѣевичъ повезъ своихъ сыновей въ Петербургъ для помѣщенія въ учебныя заведенія. Онъ былъ счастливъ, что можетъ предоставить дѣтямъ то благо, котораго былъ лишенъ самъ.

Тогда же Семеновъ представилъ въ Академію Наукъ свои метеорологическія наблюденія. Академія признала ихъ достойными вниманія и въ награду ученыхъ трудовъ самоучки прислала ему наборъ прекрасныхъ метеорологическихъ инструментовъ: марометръ, термометръ, психрометръ ¹⁾ и дождемѣръ.

Съ того времени Семеновъ сталъ писать въ разныхъ изданіяхъ и помѣщалъ не только метеорологическія наблюденія, но и многія статьи астрономическія.

¹⁾ Психрометръ—приборъ для опредѣленія степени влажности воздуха.

Въ 1840 году онъ, кажется, первый изъ русскихъ астрономовъ заявилъ въ «Курскихъ Вѣдомостяхъ» о предстоявшемъ черезъ два года полномъ солнечномъ затменіи... Профессоръ Перевошиковъ очень хвалилъ сдѣланныя нашимъ самоучкой вычисленія этого затменія. Работа его отличалась точностью, потребовала много времени и усидчивыхъ занятій и показывала обширныя познанія въ астрономіи.

Вотъ какъ описываетъ въ газетѣ самъ Семеновъ это удивительное небесное явленіе: «Мы сами были свидѣтелями солнечнаго затменія 1842 года, 26 іюня, наблюдая его въ Курскѣ съ профессоромъ астрономіи Перевошиковымъ. Къ сожалѣнію, въ этотъ день съ самага ранняго утра небо было покрыто, при совершенномъ безвѣтріи, густыми облаками, а потому и нельзя было видѣть во всемъ величіи ожидаемое затменіе и сдѣлать точныя астрономическія наблю-

денія. Несмотря на эту неудачу, мы рѣшились дожидаться его до конца. Въ 8 час. утра дневной свѣтъ сталъ ослабѣвать, и казалось, что мы постепенно погружались въ какой-то особенный мракъ или синеватый туманъ. Наконецъ въ то мгновеніе, когда должно было произойти начало полнаго затменія, т.-е. въ 1 час. 15 мин. 46 сек., дневной свѣтъ изсякъ, и сдѣлалось такъ темно, что мы подъ открытымъ небомъ не могли различить другъ друга въ лицо, и для замѣчанія времени на хронометръ зажгли свѣчу. Птицы въ садахъ замолкли. На улицахъ въ окнахъ многихъ домовъ заблистали огни. Въ этотъ день въ Курскѣ былъ базаръ, на который стеклось много простолюдыя. Когда наступилъ неожиданный мракъ, то всѣ пришли въ ужасъ и смятеніе. Торговцы побросали свои лотки и лавочки и, забывъ товаръ, бѣжали, сами не зная куда и зачѣмъ. Простой народъ, въ страхъ и

отчаяніи, падалъ на колѣни, со слезами исповѣдывалъ свои грѣхи, просилъ Бога о милосердіи. Совершенная темнота продолжалась только полторы минуты, по прошествіи которыхъ на юго-западной сторонѣ небеснаго свода, въ тучахъ, мгновенно блеснулъ слабый золотистый свѣтъ, который разливался постепенно по мрачному небосклону, и не болѣе, какъ въ три секунды, уже сдѣлалось довольно свѣтло. Такъ всегда были дивны и поразительны для людей полныя солнечныя затменія, которыхъ въ прошлыя времена страшились даже образованные люди. Нынѣ астрономія показала намъ истинныя причины многихъ небесныхъ явленій, и мы поняли нелѣпость и ложность приписываемыхъ этимъ явленіямъ предзнаменованій, выдуманныхъ суевѣріемъ. Теперь, не приходя ни въ ужасъ ни въ отчаяніе, мы спокойно наблюдаемъ небесныя явленія, стараясь изслѣдовать законы мірозданія».

Оедоръ Алексѣевичъ любилъ говорить съ простыми людьми о небесныхъ явленіяхъ, объяснялъ ясно и толково и всячески старался разсѣять невѣжество и суевѣріе. Простые люди относились къ нему съ большимъ уваженіемъ, какъ къ человѣку авторитетному. Къ «Зуйкину» (таково было прозвище Семенова) шли на Лазаретную улицу, какъ къ оракулу, по вопросамъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ его научнымъ занятіямъ, — просить совѣта, помощи, участія.

VIII.

Въ 1850 году Семеновъ напечаталъ составленную имъ карту полнаго солнечнаго затменія, которое должно было послѣдовать 16 іюля 1851 года. Объ этомъ трудѣ профессоръ Перевошиковъ и профессоръ Петербургскаго универси-

тета Савичъ писали много лестнаго и заявили, что такая прекрасная карта выходитъ впервые на русскомъ языкѣ и что, слѣдуя картѣ Семенова, и астрономы и интересующіеся астрономіей могутъ заблаговременно принять мѣры для наблюденія этого рѣдкаго явленія.

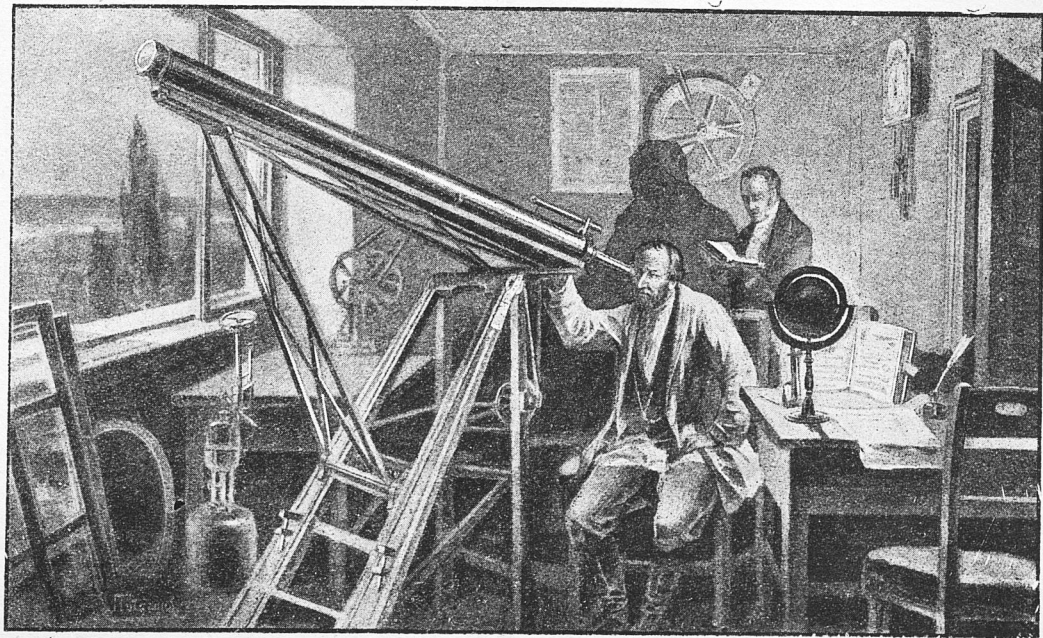
Задолго до этого времени у Ѳедора Алексѣевича Семенова были уже вычислены затменія на 150 лѣтъ впередъ. Такъ какъ слѣдующее полное затменіе должно было произойти только въ 1887 году, и астрономъ-самоучка могъ его не дожидаться, то понятно, съ какимъ горячимъ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ затменія 1851 года.

Каково же было его изумленіе, когда онъ прочелъ въ «Сѣверной Пчелѣ», что знаменитый французскій астрономъ того времени—Араго объявилъ въ засѣданіи Парижской Академіи Наукъ, что затменіе солнца 1842 года—послѣднее въ Европѣ въ теченіе этого столѣтія, а

для того, чтобы видѣть полное солнечное затменіе 1851 года, нужно ѣхать или въ Сибирь или въ Сѣверную Америку.

Неутомимый нашъ самоучка снова за-сѣлъ за свои карты и вычисленія и, провѣривъ ихъ еще разъ, написалъ въ «Курскихъ Вѣдомостяхъ» статью:

«Вычисленія Араго совершенно противоположны моимъ вычисленіямъ, и хотя многіе почтутъ непростительной смѣлостью съ моей стороны возставать противъ такого великаго авторитета, какимъ пользуется г. Араго, но привыкши думать, что положительныя науки, въ числѣ коихъ безспорно и астрономія, имѣютъ одни и тѣ же основанія во всѣхъ предѣлахъ земного шара, для пользы науки я считаю предосудительнымъ хранить молчаніе въ столь важномъ случаѣ. А потому честь имѣю съ своей стороны объявить, что 4 полныя солнечныя затменія въ текущемъ столѣ-



О. А. Семеновъ наблюдаетъ небесныя свѣтила.

тіи будуть видимы и въ Европѣ, согласно сдѣланнымъ мною вычисленіямъ. Для этого намъ, жителямъ сѣвернаго полушарія, не надо переплывать моря и океаны... Итакъ, 4 затменія должны рѣшить, кѣмъ исчисленіе сдѣлано правильно. Мы ли на чистомъ небѣ дня встрѣтимъ дивныя міріады звѣздъ, или жители другихъ частей свѣта не въ привычное время увидятъ ихъ вѣчно стройное теченіе?»

Въ статьѣ этой, которая была переведена на французскій языкъ, подробно указаны 4 затменія, а также и мѣста, гдѣ ихъ можно будетъ наблюдать.

Императорское русское географическое общество рѣшило командировать для наблюденія затменія 1851 года своихъ членовъ — профессора Савича и Ѳ. А. Семенова. Сначала было рѣшено дѣлать наблюденія въ Кіевской губ., и Семеновъ засѣлъ и вычислилъ всѣ моменты затменія для избраннаго пункта.

Потомъ географическое общество избрало другой пунктъ, а именно городъ Бобринець, Херсонской губерніи. Семеновъ сдѣлалъ новыя вычисленія, а прежняя работа пропала даромъ. Сохранилась переписка Семенова съ проф. Савичемъ по поводу этого затменія: уважаемый профессоръ совѣтуется съ самоучкой, какіе лучше взять инструменты, и просить провѣрить его вычисленія, какъ сдѣланныя на скорую руку.

6 іюля 1851 года профессоръ Савичъ и Семеновъ прибыли въ городъ Бобринець. Въ дни, предшествовавшіе затменію, стояла ясная и сухая погода. Пользуясь хорошимъ временемъ, наши астрономы сдѣлали всѣ нужныя приготовленія: провѣрили свои хронометры, опредѣлили съ точностью географическое положеніе Бобринца. По предварительнымъ вычисленіямъ полное солнечное затменіе должно было продол-

жаться отъ 5 час. 39 мин. 8 сек. до 5 ч. 42 мин. пополудни.

Насталъ тревожно ожидаемый день, 16 іюля. Солнце поднялось на чистомъ небѣ при полномъ безвѣтріи; къ 9 часамъ на небо стали набѣгать рѣдкія облака; къ полудню надвинулись грозовыя тучи, и поднялась сильная буря; къ 4 часамъ снова сдѣлалось тихо, но все небо было задернуто облаками, изъ которыхъ сѣялся мелкій дождь. Вмѣстѣ съ проф. Савичемъ и Семеновымъ наблюдали затменіе молодой кандидатъ Петрушевскій (нынѣ профессоръ) и знаменитый Иннокентій, архіепископъ херсонскій.

Жаль было смотрѣть на Семенова, — такъ пріунылъ онъ при видѣ дурной погоды. Печально склонивъ голову, стоялъ онъ подъ дождемъ передъ разставленными на столахъ инструментами и тревожно смотрѣлъ на часы. Торжественная минута приближалась, а густыя

тучи медленно двигались впередъ, заволакивая горизонтъ.

Однако судьба сжалилась надъ нашимъ астрономомъ: на восточной сторонѣ небо прояснилось. Семеновъ ожилъ и пододвинулся къ инструментамъ. Прошло еще нѣсколько минутъ, и сквозь раздвинувшіяся облака проглянуло солнце. Еще мгновенье, и на него медленно сталъ надвигаться темный кругъ луны. Семеновъ приникъ къ трубѣ. Наступила мертвая тишина. «Нуль!» произнесъ торжественно астрономъ-самоучка, возвѣщая начало полного солнечнаго затменія. Кругомъ былъ густой мракъ. Только зажженные свѣчи около инструментовъ блестѣли красноватымъ пламенемъ. На небѣ сквозь разорванныя облака мерцали звѣздочки. Черезъ три минуты изъ-подъ темнаго круга луны вырвался первый солнечный лучъ. Темнота исчезла. Снова стало свѣтло. Хотя вслѣдъ за тѣмъ

все небо покрылось тучами, но Федоръ Алексѣвичъ Семеновъ былъ совершенно счастливъ.

Нечего и говорить, что и въ Бобринцѣ на простыхъ людей солнечное затменіе произвело страшное впечатлѣніе. Наканунѣ служили молебны объ отвращеніи такого несчастья, многіе плакали и приходили въ отчаяніе. Невѣжественные люди говорили, что во время затменія перемрутъ всѣ люди и животныя, что будетъ землетрясеніе, что солнце заслонится Кавказскими горами и т. п.

Приѣхавшіе астрономы, какъ умѣли, успокаивали народъ, объясняли имъ это небесное явленіе и говорили, что если бы тутъ всѣ перемерли, то не зачѣмъ было бы ученымъ приѣзжать издалека. Простяки имъ возражали, что у нихъ-то есть средства отвратить это. Когда началось затменіе, то на многихъ жителей Бобринца напалъ

страхъ; они жалобно кричали и прятались въ своихъ домахъ, закрывая двери и ставни.

Итакъ, въ 1851 году само небо дало отвѣтъ, кто былъ правъ въ своихъ астрономическихъ вычисленіяхъ, — знаменитый ли французскій ученый астрономъ Араго, или русскій мясникъ-астрономъ Семеновъ.

Извѣстно, что Араго печатно извинился передъ Семеновымъ, объясняя свою ошибку тѣмъ, что онъ не провѣрилъ лично работу своихъ сотрудниковъ. Говорятъ, что по этому поводу Араго написалъ собственноручное письмо курскому астроному. Семеновъ также поправилъ вычисленія этого затменія и нѣмецкаго астронома Медлера, которыя тоже были сдѣланы невѣрно.

За свои ученые труды Семеновъ съ семействомъ былъ Всемилостивѣйше пожалованъ въ потомственные почетные граждане, а Императорскимъ русскимъ

географическимъ обществомъ премированъ золотою медалью.

Теперь слава Ѳедора Алексѣевича Семенова была упрочена.

IX.

Изъ печатныхъ трудовъ Ѳедора Алексѣевича Семенова видно, что не было въ астрономіи такого вопроса, котораго бы онъ ни касался. Но малочисленность и плохое состояніе астрономическихъ инструментовъ, съ которыми постоянно работалъ нашъ астрономъ-самоучка, препятствовали успѣхамъ его занятій. Поэтому нѣкоторые изъ просвѣщенныхъ жителей Курской губерніи предложили устроить подписку для покупки инструментовъ въ знакъ уваженія къ полезнымъ трудамъ талантливаго соотечественника. Предложеніе это было встрѣ-

чено сочувственно не только въ Курскѣ и въ Курской губерніи, но и въ столицахъ. Государь наследникъ и великая княгиня Марія Николаевна также приняли участіе въ этой подпискѣ. Собралась значительная сумма денегъ, приобрѣтены были отличные астрономическіе инструменты и отправлены въ Курскъ для подарка Ѳедору Алексѣевичу Семенову.

15 декабря 1853 года въ ярко освѣщенной и убранной зеленью залѣ въ домѣ губернатора были выставлены подносимые инструменты. Къ 8 часамъ сюда съѣхались представители разныхъ слоевъ мѣстнаго общества. Нѣсколько человекъ отправилось за Ѳедоромъ Алексѣевичемъ. Въ половинѣ девятого, взволнованный до крайности, вошелъ въ залу мясникъ-астрономъ. Онъ былъ въ простой скромной одеждѣ русскаго покроя, сѣдой и сгорбленный годами. Но въ большихъ сѣрыхъ глазахъ ви-

день былъ живой интересъ и непреклонная воля. Наружность и этотъ свѣтлый взглядъ сразу показывали въ немъ чело-вѣка необыкновеннаго.

Толпа гостей при входѣ Семенова раздвинулась. Радужный хозяинъ встрѣтилъ его, подвелъ къ столу, гдѣ красовались инструменты, и сказалъ привѣтственное слово. Онъ сказалъ, что считаетъ за особое счастье вручить ему эти инструменты, какъ выраженіе общаго къ нему уваженія и сочувствія. Затѣмъ директоръ училищъ сказалъ рѣчь отъ ученаго сословія. Онъ сказалъ, что почтенное имя Семенова произносится съ глубокимъ уваженіемъ въ стѣнахъ курскихъ училищъ всякій разъ, когда бесѣдуетъ съ молодымъ поколѣніемъ о тѣхъ русскихъ людяхъ, которые не зарыли дарованные отъ Бога таланты въ землю, а употребили ихъ на пользу общую. Губернскій предводитель дворянства вручилъ виновнику торжества

подписанный всѣми присутствовавшими
адресъ такого содержанія:

Федоръ Алексѣвичъ!

«Высокія дарованія ваши и отличныя
познанія въ астрономіи, физикѣ химіи
давно уже стяжали вамъ извѣстность
въ ученomъ мѣрѣ. Императорскія Обще-
ства: Вольно-Экономическое, Географи-
ческое, Главная физическая обсервато-
рія почтили васъ избраніемъ въ сочлены
свои. Наконецъ и самъ Монархъ, въ
благости своей щедро награждающій
заслуги и поощряющій труды Своихъ
подданныхъ, обратилъ Всемилостивѣй-
шее вниманіе на васъ и, по предста-
тельству одного изъ просвѣщенныхъ са-
новниковъ нашихъ—М. Н. Муравьева,
возвелъ васъ въ званіе потомственного
почетнаго гражданства. Имя ваше стало
на ряду съ именами Шелехова, Голи-
кова, Полевого, которыми по справедли-
вости гордится Курская губернія. Мог-

ли ли мы, любители наукъ и просвѣщенія, оставаться равнодушными свидѣтелями приносимой вамъ дани уваженія? Просвѣщенные жители Курской губерніи единодушно выразили готовность свою участвовать въ приношеніи вамъ новыхъ орудій для любимыхъ вами занятій въ астрономіи. Мало того: Высокіе покровители наукъ, Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ и Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Николаевна Всемилостивѣйше удостоили принять участіе въ семъ предпріятіи. А знаменитые астрономы Струве, отецъ и сынъ, содѣйствовали выборомъ и повѣркою телескопа работы Заблера, карманнаго золотого хронометра работы Пиля и универсальнаго инструмента работы Эртеля въ Мюнхенѣ. Итакъ, мысль общества осуществилась самымъ блистательнымъ образомъ, и мы теперь на память и въ знакъ уваженія къ отличнымъ да-

рованіямъ вашимъ вручаемъ вамъ отъ всего просвѣщеннаго общества Курской губерніи, удостоеннаго участія Высочайшихъ Особъ, эти инструменты. Да послужатъ они вамъ къ новымъ изысканіямъ и открытіямъ въ области небесныхъ пространствъ и залогомъ искреннихъ чувствъ уваженія цѣнителей вашихъ заслугъ».

Директоръ знаменитой Николаевской обсерваторіи, Струве, прислалъ къ этому торжеству письмо, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «Такое выраженіе уваженія къ заслугамъ Семенова возвышаетъ самихъ жителей Курска въ мнѣніи ученаго міра и служитъ доказательствомъ ихъ высокаго уваженія къ наукамъ. Курская губернія можетъ гордиться своими жителями, и должно желать, чтобы примѣры, какъ Семеновъ, имѣли побольше послѣдователей не только въ Курской губерніи, но и во всей Россіи».

Глубоко растроганный всѣми этими теплыми привѣтствіями, астрономъ-самоучка хотѣлъ было говорить, благодарить... но горячую благодарность не всегда возможно выразить словами: слова замирають отъ волненія... и Ѳеодоръ Алексѣевичъ зарыдалъ... Это были хорошія слезы умиленія и благодарности.

Онъ скоро оправился и, радостный, оживленный, съ увлеченіемъ сталъ объяснять цѣль и назначеніе поднесенныхъ ему инструментовъ.

Долго длилась веселая бесѣда людей, собравшихся на этотъ домашній русскій праздникъ.

Впрочемъ, не долго могъ пользоваться великолѣпными инструментами нашъ астрономъ. Онъ былъ уже не молодъ и сталъ прихварывать. Въ послѣдніе годы въ научныхъ занятіяхъ ему много помогала его дочь.

Въ началѣ 1860 года Ѳедоръ Алексѣевичъ тяжело захворалъ, а 17 апрѣля его не стало.

Весь городъ собрался почтить дорогую память своего достойнаго гражданина. Много теплыхъ, задушевныхъ словъ было сказано надъ свѣжей могилой этого честнаго и хорошаго чело-вѣка, неутомимаго труженика и борца за любимое дѣло.

Родные и друзья горько оплакали его кончину и поставили на могилѣ скромный памятникъ съ такой надписью:

Что онъ любилъ, надъ чѣмъ трудился онъ,
Про то всѣ знаютъ:

И солнца лучъ, и звѣздный небосклонъ,

И тѣ, что изучаютъ

Небесъ таинственную мудрость,

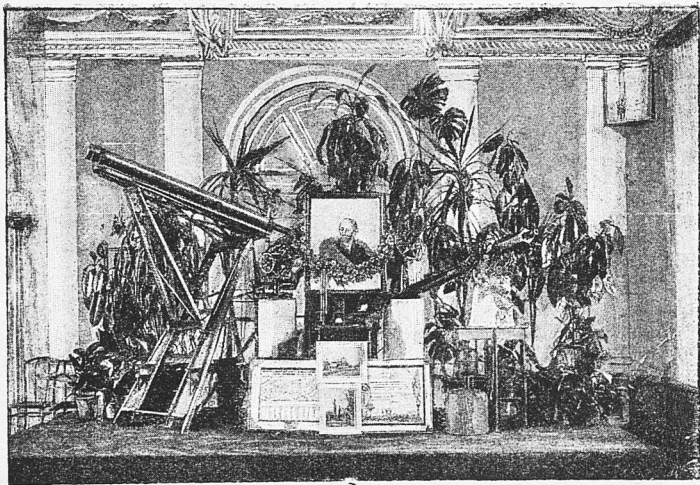
И всякъ народнаго таланта другъ,

И родины его друзья, и многочисленность,

И школа въ честь его заслугъ.

Ѳедоръ Алексѣевичъ Семеновъ былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ самоучекъ. Знанія его и талантъ такъ

обширны, что его можно поставить на ряду съ учеными. Онъ оставилъ множество сочиненій по разнымъ отраслямъ, и если ихъ перечислить, выйдетъ огромный списокъ. Память о немъ всегда будетъ жить въ потомствѣ, и скромный портретъ Семенова можно встрѣтить въ кабинетахъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ астрономовъ. Родной его городъ Курскъ увѣковѣчилъ его память народною школою его имени, метеорологической обсерваторіей имени Семенова; улицу, гдѣ онъ жилъ, назвали Семеновской, учредили стипендію его имени и собираются устроить публичную библіотеку и поставить хорошій памятникъ на могилѣ.



Выставка въ честь *Θ. А. Семенова*, устроенная въ залѣ городского дома въ Курскѣ въ 1894 г., когда торжественно праздновалось столѣтіе со дня рожденія *Семенова*.